

СЕВЕРНАЯ ФРИВАНДА

ренодобный Сергей вошел в историю Русской Церкви, окруженный сонмом своих святых учеников. Одни из них остались местно чтимыми в созданной им Лавре, другие достигли общерусского почитания. Из лаврских святых только Никон, преемник Сергея во игуменстве, встает перед нами в отчетливом облике под пером Пахомия: в Сергиевом ученике любовь к безмолвию борется с обязанностями социального служения. Он то слагает с себя на годы тяжелый игуменский сан, то является образцовым хозяином, строителем монастыря после пожара Едигеева разорения (1408). Он же полагает начало крупному вотчинному хозяйству монастыря, принимая те дарственные села, которых при жизни своей не хотел иметь нестяжатель Сергей.

До одиннадцати учеников преподобного Сергея явились, в большинстве случаев еще при его жизни, основателями монастырей. Все они святые, и все несут заветы преподобного Сергея в разные концы русской земли. Троицкая Лавра в этом первом поколении ее иноков сделалась центром духовного лучеиспускания огромной силы. Правда, уже в следующем поколении богатый, осыпанный милостями московских государей, столь близко связанный с великокняжеской столицей монастырь перестает давать и святых, и новые монашеские колонии. Но многие из основанных им обителей сами делаются центрами лучеиспускания, духовными митрополиями. Через них живая преемственность св. Сергея сохраняется в русской святости по крайней мере до конца XV столетия.

По двум направлениям бежит этот духовный поток из Троицы-Сергия: на юг, в Москву, в ее городские и подмосковные монастыри, и на север, в лесные пустыни по Волге и в Заволжье. Значение этих двух направлений не только географическое: с ними связано, как увидим впоследствии, раздвоение двух основных путей русской духовной жизни.

Оставляя пока в стороне московское монашество и московский тип святости, заметно возобладавший с

конца XV века, назовем северных пустынножителей из числа учеников преподобного Сергия. Св. Мефодий Пешношский основывает свою обитель на западе от Лавры, в Дмитровском уезде; Авраамий Чухломский и Иаков Железоборовский — в области Галича Костромского; Сильвестр и Павел Обнорские спасались на речке Обноре, притоке Костромы, в глуши лесов, покрывающих границы Вологодского и Костромского края. Среди собеседников преподобного Сергия знаменнейшими северными подвижниками явились св. Кирилл и Феррионт Белозерские, Дмитрий Прилуцкий (близ Вологды), Стефан Махрицкий (в тридцати верстах от Троицы-Сергия), который был основателем и второго, Авнежского, монастыря в Вологодском уезде. Для большинства монастырей, связанных так или иначе с преподобным Сергием, характерно их посвящение имени Пресвятой Троицы.

Преподобный Кирилл († 1427) был величайшим из подражателей Сергия, и мы имеем содержательное его житие, составленное Пахомием Сербином по свежим воспоминаниям, собранным в Кирилловом монастыре. Ввиду исключительного почитания, которым пользовался в Древней Руси белозерский игумен, почти забытый в настоящее время, напомним здесь основные черты его жития.

Природный москвич, Кузьма (его мирское имя) в молодости служил в доме у родственника своего, боярина Тимофея Вельяминова, в качестве казначея. Такова была древняя тяжесть власти боярина над домочадцами, что, несмотря на влечение к монашеской жизни, Кузьма не мог найти игумена, кто бы решился постричь его. Только Стефан Махрицкий, друг преподобного Сергия, в одну из своих побывок в Москве облек его в рясу и принял на себя вспышку хозяйского гнева. В конце концов боярин уступил, и Кузьма окончательно постригся, под именем Кирилла, в Симоновом монастыре, незадолго до того основанном преподобным Сергием: здесь и игуменствовал Феодор, племянник Сергиев.

Начинаются иноческие труды: пост, молитва, труды на хлебне и на поварне. Бесы пугают, но не выдерживают имени Иисусова. Крайности аскезы умеряются послушанием. Это первое из сохранившихся русских житий, где подчеркивается значение послушания. Новоначальный Кирилл поручен старцу, который запрещает

поститься сверх сил; заставляет вкушать пищу не через два — три дня, как хотел Кирилл, а вместе с братией, лишь не до сытости. Тем не менее Кирилл находит возможность изнурить себя: после ночной молитвы он едва не падает от голода.

К этим годам относятся и встречи с преподобным Сергием. Бывая в Симонове у своего «братанича», старец, к удивлению Феодора и братии, прежде всего заходил в хлебню и беседовал с Кириллом часами «о пользе душевной». Подобно некоторым древним русским инокам, Кирилл временно принимал на себя подвиг юродства, «утаити хотя добродетель». Не знаем, в чем заключались его поступки, «подобные глумлению и смеху», за которые настоятель сажал его на шесть месяцев на хлеб и на воду. Кирилл только радовался, что постится не по своей воле.

Кроме непослушности, Кирилл еще обладает особым даром умиления. Он не может даже хлеба вкушать без слез. Встосковавшись по безмолвию, ради того же умиления, он, по милости Пречистой, переведен с поварни в келью писать книгу. Но замечательно, что новый труд не принес ему того умиления, которого он ожидал, и он вернулся к своей печи.

Поставленный в архимандриты, он немедленно оставляет настоятельство и затворяется в келье. Зависть нового архимандрита, недовольного стечением народа к Кириллу, заставляет его оставить монастырь. Сперва он безмолвствует в Старом Симонове (в Москве), потом замышляет уединиться «далече от мира». Преподобный Кирилл имел особое усердие к Божией Матери. Однажды ночью, за акафистом, он слышит ее голос: «Кирилл, выйди отсюда и иди на Белоозеро. Там я уготовала тебе место, где можешь спастись». Отворив окно кельи, он видит огненный столп на севере, куда призывает его Пречистая.

Симоновский монах Феранонт, уже побывавший на Белоозере, сопровождает Кирилла в заволжскую страну, где наконец в чаще леса, окруженной со всех сторон водой, преподобный узнал показанное ему Богоматерью «зело красное» место. Но Феранонт не вынес «тесного и жестокого» жития и устроил себе монастырь в пятнадцати верстах от Кириллова.

Одинокие труды преподобного Кирилла протекали не без опасностей: раз его сонного чуть не задавило

унавшее дерево. Расчищая бор для огорода и запалив хворост, он устроил лесной пожар, от которого едва спасся. Когда к нему уже стали стекаться ученики: двое окрестных мужиков да три монаха из Симонова — один боярин подсылал разбойников ограбить скит, предполагая, что бывший архимандрит Симоновский принес с собой большие деньги. Еще раньше пытался поджечь келью сосед-крестьянин. В житиях XV и XVI веков постоянно встречаемся с нападениями на отшельников со стороны местных землевладельцев — крестьян и бояр. Обыкновенно мотивом является страх поселенцев лишиться земли, которая по княжескому указу может быть передана в дар монастырю. Такие опасения были небезосновательны.

Маленькая деревянная церковь в новом монастыре освящена во имя Успения Божией Матери — знак как особого почитания Богородицы, так и связи с Москвой (Успенский собор и церковь в Симонове). В своем монастыре преподобный Кирилл осуществил строгое общежитие, как оно практиковалось в сергиевских обителях: быть может, у Кирилла устав соблюдался крепче, чем в других местах. Монахи не могли иметь по кельям даже воды для питья. Все совершалось по чину, «по старчеству», в молчании: и в церкви, и в трапезной. На молитве у Кирилла «познати яко столпие»: никогда не позволял он себе прислониться к стене. Однажды он сделал выговор ученику своему, св. Мартиниану, который после трапезы зашел в келью к другому брату «за орудием». Напрасно Мартиниан с улыбкой оправдывался: «Пришедшу ми в келью, к тому не могу изыти». Кирилл поучает его: «Сиде твори всегда. Первее в келью иди, и келья всему научит тя». В другой раз, увидев румяное — «червленое» — лицо любимого ученика Зеведея, он укоряет его за «непостническое, мирское лицо, паче упитивающихся». О наказаниях, налагаемых игуменом, мы не слышим. По-видимому, духовный авторитет Кирилла был достаточен и непререкаем. Призывая к посту, он однако на трапезе предлагает монахам «три снеди» и, заглядывая на поварню, заботится, чтобы братьям было «утешение»; и сам помогает поварам, вспоминая симоновское свое послушание. Зато мед и вино были строго изгнаны из монастыря. Это особенность Кириллова устава, перенесенная и в Соловецкий монастырь. Не суровость, но устав-

ность — вот что отличает жизнь в монастыре св. Кирилла.

Сам игумен ходит, как и Сергий, в «разодранной и многошвенной рясе» и так же кроток к своим обидчикам. Ненавидящему его иноку он говорит: «Все соблазнились обо мне, ты один истинствовал и понял, что я грешник». Нестязательность у Кирилла выражена еще ярче, чем у Сергия. Он не позволяет монахам даже ходить к мирянам за милостыней. Он отклоняет все дарственные села, предлагаемые ему князьями и боярами, с принципиальным обоснованием: «Аще села восхоцем держати, болми будет в нас попечение, могущее братиям безмолвие пресецати». Однако от приносимой милостыни он не отказывается. Бедный прием монастырь не может развивать широкой благотворительности. Но преподобный настаивает на служении любви, и о ней говорят как его многочисленные чудеса, так и оставшиеся от него послания князьям. Князю Андрею Можайскому он пишет: «А милостыньку бы есте по силе давали: понеже, господине, поститись не можете, а молитися ленитесь; ино в то место, господине, вам милостыня ваш недостаток исполнит». В своих посланиях к князьям — московскому и удельным — св. Кирилл с кротостью и простотой русской полукнижной речи внушает идеал справедливой и человеческой власти. Великого князя он просит помириться с суздальскими князьями: «Посмотри... в чем будет их правда перед тобою». А можайскому князю он предлагает целую правительственную и социальную программу: здесь и неподкупность суда, и отмена корчемничества и таможен, но вместе с тем и наказание «татей», и «уймание» людей от сквернословия, и ревность о храмовом благочестии. Поставленный от Бога и призванный к воспитанию людей в благочестии, князь еще не самодержец, и ничто не указывает на возможность его власти над церковью и духовными людьми. Твердая, хотя и кроткая независимость к сильным мира сего характеризует как преподобного Кирилла, так и всю его школу.

О внутренней, духовной жизни святого мы знаем чрезвычайно мало. Нет данных, позволяющих считать его мистиком. Можно отметить лишь усердное почитание Богоматери и дар постоянных слез как две личные черты кирилловой религиозности.

Завет нестяжательности был нарушен в монастыре

св. Кирилла тотчас же по смерти его основателя. Кириллов вскоре сделался богатейшим вотчинником северной Руси, соперничая в этом отношении с Сергиевым. Но общежитие и строгая уставная жизнь сохранились в нем до середины XVI века, когда религиозная жизнь подмосковной обители была давно уже в упадке. Вот почему Кириллов монастырь, а не Сергиев, явился в XV и XVI веках центром излучения живой святости, параллельно с основанием монашеских колоний.

Мы видели, что друг и сподвижник Кирилла св. Ферапонт основал свой монастырь в пятнадцати верстах от него. Вторым настоятелем здесь был св. Мартиниан, любимый ученик и келейник св. Кирилла, долгое время игуменствовавший и у Троице-Сергия. Ферапонтов монастырь с своей иконной росписью мастера Дионисия является драгоценнейшим музеем русского искусства. Стены и башни этого монастыря, равно как и Кириллова, разросшегося со своим посадом в целый город, представляют один из лучших архитектурных ансамблей Древней Руси. В XV столетии это была святая земля пустынножителей. Вокруг больших обителей строились скиты и хижины отшельников, учившихся безмолвию и хранивших нестяжание как один из главных заветов преподобного Кирилла.

Вторым центром заволжского подвижничества была южная округа Вологодского уезда, обширный и глухой Комельский лес, переходящий в пределы костромские и давший свое имя многим святым (Корнилию, Арсению и др.). Лесные речки Обнора и Нуром дали приют Павлу Обнорскому и Сергию Нуромскому, ученикам преподобного Сергия. Павел Обнорский, великий любитель безмолвия, именовавший безмолвие матерью всех добродетелей, являет образец совершенного отшельника, редкого на Руси. Он целые годы жил в дупле дуба, и Сергей Нуромский, его сосед и тоже большой пустыннолюбец, нашел его здесь в обществе медведя и других зверей кормящим птиц, которые сидели на его голове и плечах: этот один образ оправдывает имя Фиваиды, данное старым русским агиографом (А. Н. Муравьевым) северному русскому подвижничеству.

Третьим духовно-географическим центром Святой Руси был Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере. Узкое и длинное, до семидесяти верст, Кубенское озеро связывает своими водами Вологодский и Белозер-

ский край. Вдоль берега его шла дорога из Вологды и Москвы в Кириллов. На скале («на камне»), поднимающейся из волн бурного озера, создан монастырь, историю которого написал в конце XV века великий учитель нестяжания старец Паисий Ярославов. Первый известный нам по имени игумен Дионисий был пришелец с Афона в княжение Дмитрия Донского. Двое из учеников его основали обители на берегах Кубенского озера: Дионисий Глушицкий и Александр Куштский. Из Покровской «лавры» Дионисия вышло до семи иноческих колоний в Кубенском крае; а из учеников его прославлены св. Григорий Пелшемский, Филипп Рабангский, Амфилохий, его преемник в Глушице. Еще через сто лет после Дионисия Глушица дает святых и выделяет монастырские колонии.

В середине XV века Кирилловский игумен Кассиан, из учеников самого преподобного Кирилла, сделался настоятелем Спасо-Кубенского монастыря, соединяя здесь традицию св. Кирилла с традицией Афонской горы. Его учеником был юный князь заозерский Андрей, постригшийся под именем Иоасафа и скончавшийся уже через пять лет — великий молитвенник, мистик и нестяжатель.

Возвращаясь к духовным колониям Кириллова монастыря, упомянем о западном и северном направлениях его излучений. Здесь он влияет на новгородское подвижничество, непрерывными нитями связанное с домонгольской древностью. Из Кириллова вышли св. Александр Ошевенский († 1479), основатель обители в Каргопольском крае, и св. Савватий, один из создателей Соловецкого монастыря.

Соловецкий монастырь был четвертой по значению обителью северной Руси — первым форпостом христианства и русской культуры в суровом Поморье, в «лоши дикой», опередившим и направлявшим поток русской колонизации. Другой из святых основателей его, Зосима, вышел из Валаама и несет с собой западную новгородскую традицию. Московский юг и новгородский запад скрещиваются в Соловках — в происхождении иноков, даже именах храмов. Преподобные Зосима и Савватий выдержали необычайно суровую жизнь на острове, но уже Зосима, настоящий организатор монастыря, представляется нам не только аскетом, но и рачительным хозяином, определившим на века характер

северной обители. Соединение молитвы и труда, религиозное освящение культурно-хозяйственного подвига отмечает Соловки и XVI и XVII веков. Богатейший хозяин и торговец русского Севера, с конца XVI века военный страж русских берегов (первоклассная крепость), Соловки и в XVII веке не перестают давать Русской Церкви святых.

Указанные центры духовного лучеиспускания не исчерпывают, конечно, Святой Руси XV века, этого золотого века русской святости. Можно назвать имена, и не связанные непосредственно с обителями преподобных Сергия и Кирилла. Таковы оба Макария, Калязинский и Унженский (или Желтоводский), из которых первый вышел из тверского Кашина, второй — питомец нижегородского Печерского монастыря при игуменстве св. Дионисия. Особенно значителен круг святых Новгородских. Преподобный Савва Вишерский, из кашинских дворян Бороздиных, основал свой монастырь в семи верстах от Новгорода и среди прочих аскетических подвигов дал, насколько мы знаем, первый пример русского столпничества в настоящем смысле слова. Известнейший из Псковских святых — преподобный Евфросин, создатель Елеazarова монастыря. О нем читаем в его житии, что, проникнутый убеждением в мистическом значении вопроса о двоении или троении «аллилуйя», который волновал тогда псковское общество, преподобный Евфросин предпринял путешествие в Грецию и вернулся оттуда горячим сторонником двукратной аллилуйи.

При изучении духовного содержания северного подвижничества мы встречаемся с двумя затруднениями: во-первых, почти все жития северных святых остаются неизданными; во-вторых, они невыгодно отличаются от московской группы скудостью содержания и чрезмерной общностью характеристик. Однако благодаря исследованиям профессора А. Кадлубовского, мы можем бросить взгляд в недоступные нам рукописи, со страниц которых встают образы великих святых, некогда благоговейно чтимых всей русской землей, ныне почти забытых.

Все эти северные заволжские группы подвижников явственно хранят в наибольшей чистоте заветы преподобных Сергия и Кирилла: смиренную кротость, нестяжание, любовь и уединенное богомыслие. Эти святые лег-

ко прощают и оскорбителей своих, и разбойников, покушающихся на монастырское имущество. Св. Дионисий даже улыбается, узнав о похищении монастырских коней. Нестяжание — в самом строгом смысле не личного, а монастырского отказа от собственности — их общий идеал жизни. Св. Дмитрий Прилуцкий (как и Дионисий Глушицкий) отказывается и от милостыни христороубца, внушая ему отдать ее на питание рабов и сирот, тех, кто страдает «жаждою и наготою». Так же отвергает дары князя св. Иоасаф: «Злату и серебру несть нам треба». Разумеется, полная нестяжательность есть идеал, от которого поневоле отступают даже самые строгие подвижники. По смерти святого основателя его монастырь богатеет; но, изменяя заветам святого, хранит память о них.

Полная независимость от мира дает святому дерзание судить мир. Его обычная кротость и смирение не мешают ему выступать обличителем, когда грешником является кто-нибудь из сильных мира сего. Св. Кирилл, оставивший отеческие поучения князьям, отказывается посетить князя Георгия Дмитриевича: «Не могу чин монастырский разорити». Преподобный Мартириан, напротив, появляется в Москве в хоромах Василия II, чтобы обличить великого князя, заключившего в оковы боярина вопреки данному им слову. «Не убоялся казни ниже заточения, но помяну Иоана Златоуста глаголюща, яко прещение цареву ярости львови уподобися». Григорий Пелшемский обличает князя Юрия Дмитриевича и его сына Шемяку, неправдою захвативших великое княжество.

Впрочем, эти столкновения с миром, как и всякий выход в мир, редки и исключительны. Северный подвижник жаждет прежде всего безмолвия.

Жития наши весьма скупо говорят о внутренней жизни святых. Все же А. Кадлубовскому удалось сделать очень ценные наблюдения. Из отдельных формул, не совсем обычных в русской агиографии, но навеянных аскетикой древнего Востока, мы можем вывести некоторые заключения. 1) Внешняя аскеза, при всей суровости жизни, подчинена внутреннему деланию: на ней сосредоточивается внимание. О св. Дионисии говорится: «Еже николиже праздну духовного делания обрястися». 2) Это духовное делание изображается как очищение ума и молитвенное соединение

с Богом. «Сотвори ум твой единого Бога искати и прилежати к молитве», — учит св. Дионисий. А ученик его Григорий Пелшемский живет, «в вышних ум свой вперя и сердце свое очищая от всех страстных мятежь». И Павел Обнорский трудится, «зрительное ума очищая». 3) Наконец в редких случаях это духовное делание изображается в терминах, которые являются техническими для «умной» молитвы в практике исихастов. Их значение становится понятным лишь в свете доктрины, в полноте раскрытой на Руси Нилом Сорским. Так, о Павле Обнорском его биограф говорит: «Зрительное очищая и свет божественного разума собирая в сердце своем... и созерцая славу Господню. Тем сосуд избран бысть Святому Духу». Те же слова дословно повторяются в более позднем житии св. Иоасафа Каменского.

Справедливость требует отметить, что оба последних жития с точной терминологией «умного делания» составлены в XVI столетии, после трудов Нила Сорского. Тем не менее мы решаемся утверждать с высокой долей вероятности непрерывность духовной, мистической традиции, идущей от преподобного Сергия к Нилу. Момент видений, характеризующих северное подвижничество, может только укрепить нас в этом убеждении: таково видение св. Кирилла Белозерского (голос Богоматери) и явление самого Христа преподобному Иоасафу.

Еще одно, последнее наблюдение. Мистическое самоуглубление, бегство в пустыню не мешает северным подвижникам прославлять любовь как «главизну добродетелей» и излучать ее при всяком соприкосновении с людьми. О ней внушает Дионисий Глушицкий и его биограф. О ней говорит Иоасафу явившийся ему Спаситель. И контекст, и разъяснения не оставляют сомнений в том, что эта любовь направлена не только к Богу, но и к человеку.